

К концу семидесятих годов
современникам казалось
вполне очевидным,
что Россия больна. Спорили лишь
о том: какова болезнь
и чем её лечить?..
Да что же происходило?
Вроде бы всё шло чередом:
росли города,
бурно раскидывались во все
стороны железные дороги,
дельцы нагребали состояния,
крестьяне бунтовали,
помещики пили чай на верандах,
писатели выпускали романы,

Надеяться ли на новые единства?

Михаил Немцев,

редактор рубрики «Тема номера»,
социальный антрополог,
философ,
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com

и всё же с этой страной творилось
неладное, какая-то язва точила её.
Всю Россию томило разочарование.
Разочарованы были в реформах,
разочарованы в балканской
войне, власть разочаровалась
в своих силах, народолюбцы
разочаровались в народе.
Появилось много людей,
уставших жить.
«Русская земля как будто потеряла
силу держать людей!» — говорил
с горечью писатель, что страдал
всех тарантулом.

Юрий Трифонов. *Нетерпение*

And there's no tellin' who that it's namin'
 For the loser now will be later to win
 For the times they are a-changin'.

Bob Dylan

...Вот зачем надо говорить о «сообществах».

Современная Россия живёт ещё в состоянии, как его называют антропологи и политологи, «пост-советского общества». Советское общество как особый тип общества исчерпало себя изнутри, закончилось, а нечто новое, сопоставимое по целостности и конкретному единству (в общем, по стилю — каждое «особое» общество имеет свой узнаваемый стиль) так и не началось. Поэтому многие говорят про нехватку (жизненных, экзистенциальных) смыслов и тем более про нехватку языка, чтобы говорить о них, о современном российском обществе. «Ощущение необходимости поиска «нового начала», осознание смысловой «неопределённости» и «когнитивного вакуума», иными словами чувство утраты значимых ориентиров, нередко символизировались как дезинтеграция самой речи, как недостаток символических форм, которые казались не приспособленными...»¹. Это состояние «пост-», может быть, и не придёт к чему-то принципиально новому, сопоставимому по смысловой мощности с тем, что было, а значит, станет только хуже. Неспособность языка, используемого в общественно значимых коммуникативных событиях, схватывать происходящее² плюс слабость самих общественных коммуникаций — проявление *отчуждения*, которое для многих жителей страны стало уже таким привычным, что и не понятно, как могло бы быть по-другому.

Карл Маркс, наследник немецких романтиков, писал об «отчуждении»

¹ Ушакин С. Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. — 2009. — №6 (100). — С. 763.

² «Государственные служащие, политики, экономисты и социологи в своих публичных выступлениях, официальных и научных текстах могут рассуждать только на языке «реальности». Однако иногда и у них прорываются пассажи, когда они начинают объяснять внимающему народу то, что, по их мнению, происходит «на самом деле». При этом у ораторов ошутимо меняются лексика и интонационная структура речи. Разделение на «реальность» и «на самом деле» ими принимается фактически, но не концептуально, и они, пытаясь рассказать о том, что есть «на самом деле», употребляют общепонятную лексику и жаргон, чем объяснения, чаще всего, и ограничиваются» (Кордонский С. Россия. Поместная федерация). — М.: Европа, 2010. — С. 30.

как о противном человеческой природе, унижительном состоянии, которое надо преодолеть (и тогда начнётся настоящая человеческая история, писал он). А мы живём в весьма даже отчуждённом обществе, и мало кто может или пытается вообразить, как могло бы быть иначе. Для обществоведов не секрет, что такие самовоспроизводящиеся отчуждённые отношения — это что ни на есть подлинное советское наследие³.

Поэтому что-то не видно каких-либо активных обсуждений альтернатив общественного развития; телевизионные и сетевые споры о том, в какой мере «начальство» (в широком смысле слова) должно или не должно регулировать жизнь так называемых политических партий или как сделать так, чтобы молодые люди не становились инвалидами в отделениях милиции/полиции — это не разговоры об общественных альтернативах или об общественном развитии. Для них не хватает и языка, и желания, причём именно желания не только начинать дискуссии, но продолжать их и развивать, добиваться нового понимания, видения, новых перспектив. В общем, «грозда двинулась, и рассекая волны, плывёт» уже давно, и неизвестно куда, и мало кому интересно — куда «на самом деле» она плывёт, и насколько это «где-то» далеко от желаемого пункта назначения — и *вот это состояние массовой неопределённости и есть пост-советское состояние*. Образов этого обыденного, всеобщего отчуждения много в современном российском искусстве, например, почти всё творчество кинорежиссёра Алексея Балабанова, полагаю, посвящено его визуализации⁴.

Размышляя над такими темами, как заявленное в этом году «общественное самоосознание», постоянно приходится преодолевать два мощных соблазна. Во-первых, видно ведь, что «не всё

³ Ермаков С. Советская школа как предмет эстетики // 60 параллель. — 2009. — № 4 (35). — С. 46-55.

⁴ Я поэтому ссылаюсь на него в статье по теме прошлого номера: Немцев М. На пути к сообщительности // 60 параллель. — 2011. — №1 (40). — С. 8-13. Весёлая и в некотором смысле совершенная иллюстрация к тому, о чём я пишу — фильм «Изображая жертву» Кирилла Серебренникова (2006).

Надеяться ли на новые единства?

так плохо» — и дискуссии такие идут, и есть люди, усиленно занятые разработкой общественных альтернатив (см. рецензию на книгу «От обывателей к активистам» **Михаила Немцева** и **Ирины Абдуловой** и отчёт **Романа Евстифеева** в этом номере). Но вопрос в том, почему такие локальные «точки развития» не сливаются в социальную сеть, не образуют влиятельные общественные движения (опять же, кроме случаев стихийной самоорганизации на городском и региональном уровне, как мы видим, сравнительно легко подавляемых — можно посмотреть на продолжающуюся и безуспешную борьбу «движения — 31» за право собираться в центре города без ведома городских властей). Как общественное воображение может стать *массовым* процессом — и может ли? Поскольку говоря о таких ненаглядных процессах с таких кратких, мы пользуемся всегда представлениями приблизительными, поскольку любые утверждения о том, что «есть» или чего «нет», всегда имеют контрпримеры. А нам надо увидеть тенденции, и как договориться о мере и степени? Проблема.

Во-вторых, обсуждение общественных проблем и общения между разными представителями общества, в частности, привычно и почти неизбежно следует схеме ассиметричных отношений «власть/подданные». И эта схема, не превращаясь в какую-либо методологию собственного социального анализа (опять же, мало кто ставит перед собой задачу разобраться «что происходит на самом деле»), блокирует другие возможные взгляды на то, что есть. И так трудно удержаться от того, чтобы воспринимать общественные изменения как происходящие либо по воле (просвещённого) стратегически мыслящего «начальства» (некоторые называют это «проектным подходом»), либо как реакцию (обычно протестно-негативную) на эти «стратегические шаги». Интеллигенции так думать просто и привычно⁵, а для начальства — самоуспоительно. *Начальник* — это фундаментальный субъект общественных изменений и «привилегированный объект» общественного же воображения. Тогда и путь в будущее выстраивается через его кабинет, а поскольку условный начальник в этот кабинет не пускает,

⁵ См. Немцев М. Как читают «Вехи» сто лет спустя: заметки наблюдателя. Неовеховство // Идеи и идеалы. — 2009. — № 2 (2). — С. 141-155. (Электронный вариант: <http://ideaidealy.ru/obsuzhdaem-obshhestvo/kak-chitayut-vexi-100-let-spustya-zametki-nablyudatelya-neovexovstvo>.)

постольку наше общее будущее — это не нашего ума дело. «Какое-то» оно, конечно, случится. Творимое неведомо кем и как⁶.

Принципиальная позиция автора этой статьи (буду говорить от себя) состоит в том, что, во-первых, продуктивное обсуждение общественных изменений должно опираться на анализ происходящего (в котором нельзя опираться только на здравый смысл⁷) — и эта логика, при всём её правдоподобии и соответствии повседневному опыту, всё-таки не покрывает собой всего многообразия общественных отношений, это лишь один из возможных концептуальных подходов. Во-вторых, если и есть у «нас» какая-то перспектива, то она станет возможной, когда какие-то миры совместной и подлинной жизни будут найдены, выстроены и обустроены вне этих отношений к власти и по поводу власти. *Сбоку от «вертикали власти».*

Поэтому размышления об общественных отношениях сейчас должны быть максимально *деполитизированы*. Но не в смысле обеспечения их позитивности и благонамеренности, а в смысле выхода из системы координат, задаваемых осью отношений власть/народ. Другими словами, надо в размышлениях о настоящем и будущем и о смысле своих дел *выходить за пределы московской (имперской) политики к общественной культурной*

⁶ Александр Раппапорт: «Мы в России чувствуем, что живём не своей судьбой. У нас как бы даже судьба не своя, и мы в этом видим суть нашей ментальности как какой-то особенности» (Неруш Ю., Раппапорт А. «В состоянии почти всеянского потоп...» Из редакционной переписки // 60 параллель. — 2010. — №1 (36). — С. 77).

⁷ А такой анализ ведь очень сложен. Как верно пишет географ Владимир Каганский, «Россия — независимо от того, то же ли это самое, что Российская Федерация, — одна из самых неизведанных и неизученных стран мира; неизвестно даже, страна ли это или всего лишь территория государства. За что ни возьмёмся — то ли это вовсе никогда не изучалось, то ли изучалось, но под давлением государства, требовавшего подогнать результат к некоторой схеме, то ли просто декларировалось государством, а потом как-то постепенно и малозаметно превратилось в научные данные; то ли и государством не навязывалось, а просто неизвестно откуда взялось, укрепилось, стало привычным... При этом речь вовсе не о маргинальных, периферийных и побочных сюжетах» (Каганский В. Неизвестная страна Россия = РФ // Альманах «Русский журнал» (30.05.2005). URL: http://old.russ.ru/culture/20050530_kag.html). Собственно, одна из основных задач нашего журнала — снижать уровень этой неизвестности всеми доступными нам способами, чтобы можно было бы, наконец, мыслить, говорить о России всерьёз, с опорой на настоящее знание, а не на домыслы и упования. См. Немцев М. Зачем журнал? // 60 параллель. — 2009. — № 3 (34). — С. 126-127.

политике, которая вообще не является «политикой» в привычном массовом словоупотреблении.

Если общественное отчуждение по горизонтали и вертикали будет нарастать, то будущее нашей страны безрадостно. Оно воплотится в окончательное *развоплощение общественных связей*, то есть распад общественного целого. Он будет выглядеть, возможно, как распад государства, причём для этого не нужны даже сильные внешние враги (те, кого некоторые считают «врагами», может быть, заинтересованы именно в распаде «этой страны» меньше, чем кто-либо). Общественные системы, так же как и властные режимы, могут умирать, как любит повторять публицист А. Пионтковский, «от некоей странной *внутренней болезни... отращения к самому себе, внутренней исчерпанности*»⁸. Общество распадается.

В принципе, сам по себе распад, даже исчезновение некоторой политической целостности — это не конец света, это может происходить и порой происходит в истории. Страны появляются, страны исчезают. «Был Вавилон великий город...» Что-то же останется на этом месте, и это что-то, возможно, будет более пригодно для жизни, чем выжженное «откатной экономикой» постсоветское и пост-имперское социальное пространство. Но если мы размещаем себя в рамках большой культурной целостности, которая называется «русской культурой», и российское государство является в первую очередь инфраструктурой этой целостности, и по мере эффективности выполнения этих инфраструктурных функций только и обретает свою ценность или значимость, тогда давайте его будущее воображать, видеть по-другому. Поскольку эта культурная целостность для нас жизненно важна (в отличие от государственности она не зависит от нашего географического местоположения на земном шаре). И за её-то будущее и стоит бороться! А какие ещё есть варианты?

...Всмотримся в это «пост-». Об обществе современной России можно думать как о находящемся в состоянии сравнительно длительного перехода от того «фазового» состояния, в котором государство действительно задавало координатную систему общественного

⁸ Пионтковский А. Высокая болезнь (10.11.2009) — Информационно-аналитический портал «Грани.ру». URL: <http://www.grani.ru/opinion/piontkovsky/m.161860.html>.

Надеяться ли на новые единства?

существования, возможно, к какому-то другому. К такому, где государство уже не сможет задавать себя как такую систему. Осенью 2010-го в российских блогах была популярна статья Андрея Лошака «Проживём без государства»⁹. Охарактеризовав её как «информационный дайджест антропологического оптимиста», он описывал, как с помощью «контакта», других социальных сетей и других средств координации совместных действий в режиме реального времени жители страны начинают объединяться для решения своих проблем, обходясь без помощи государства (в лице административного аппарата) и вообще уклоняясь от какого-либо взаимодействия с ним. Важно, именно

это «начинают»: процесс разворачивается на глазах. Уже есть такой общественный консенсус по поводу государства, что проблемы оно не решает, но стремится имитировать соучастие в их решении, и Лошак приводит яркие примеры этого. Следовательно, эффективная стратегия совместного решения возникающих проблем (от поиска уходящих от наказания преступников до тушения «традиционных» летних пожаров) требует одновременно поиска методов эффективного взаимодействия и наращивания солидарности. А затем происходит естественный *перехват* у государственной власти её функций, даже таких, без реализации которых современное государство не легитимно. Таких как обеспечение безопасности, поддержание социальных служб.

И при этом государство — как субъект организационных процессов — впервые в новой истории России само «уходит» со своей территории, позволяя эти функции у себя перехватывать. Тут нет места для обсуждения сложной, прямо-таки диалектической борьбы спонтанной общественной организации, изобретающей формы совместного действия (всё-таки жителей «этой страны» хорошо отучили действовать вместе, особенно если нужно *вкладываться* — лучше всё-таки пока «самому по себе»¹⁰), и государственного аппарата, который требует в первую очередь соблюдения *формальной* лояльности, а также пытается обложить рентой эти процессы соорганизации. Просто потому что он любые процессы стремится «освоить» с помощью рентных отношений¹¹. Общественная самоорганизация изобретает саму себя, и потому от привычного, т.е., естественно, привычного к уже известному, взгляда часто остаётся скрытой. Тем более что этот процесс пока ещё и объективно очень мало изучен¹². Как писал Андрей Лошак (может быть, слишком оптимистично), «российская власть в наступающей эре цифровой кооперации выглядит морально устаревшим аналоговым монстром, которому нет места в сверкающем мире будущего, похожего на технократический фаланстер с прозрачными стенами». Но эта «российская власть» сама мало интересуется тем, чтобы это место обрести! Она следит только за

¹⁰ Как это делалось см. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. — СПб.: Летний сад, 2002.

¹¹ Кордонский С. Там же.

¹² См. также: Задорин И. В., Зайцев Д. Г., Климов И. А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития. — 2011. — №1.

⁹ Портал OpenSpace (02.11.2011): <http://www.openspace.ru/society/projects/201/details/18512/>.

тем, чтобы общественные сети (сети солидарности), движения и т.п., то, что возникает и привлекает к себе внимание в «нормализованном» ландшафте страны», не позиционировали себя как политических субъектов. Но *что здесь и сейчас уже или ещё (не) является политическим* — это вопрос, который далеко не всех участников общественной самоорганизации интересует. И на него нет простого ответа. Мы здесь имеем дело с настоящим «краем» политического¹³. Общественная самоорганизация в России, конечно, политизируется, но «обычный» язык описания политических позиций не вполне адекватен. Осуждение альтернатив городского развития в виде открытого семинара (как это описывает в своей статье **Роман Евстифеев**) — это протестная деятельность? Антикоррупционная активность Алексея Навального — это скорее «левый» или «правый» проект? Вопрос для будущих историков¹⁴.

Интересно, что государство этими дефинициями не интересуется и не стремится даже различить: кто противники, кто союзники... Оно как бы говорит: не выходите на улицы, сидите в тени и будьте там *кем и как хотите!* Это «как хотите», конечно, заметно отличает современную Россию от советской, да и от досоветской тоже¹⁵.

И вот в этой «серой зоне» действия не «против» и не «вместе», а «вместо», точнее даже, «помимо» — формируется опыт совместного действия. Не хотелось бы его называть «гражданским участием» или тем более «гражданским обществом» — термины употребляются часто, а смысл их применительно к жителям России, государства сословного, имперского — не ясен. В общем, накапливается социальный опыт взаимодействия, создания и поддержания сетей солидарности, автономных по отно-

шению и к государству, и к крупным общественным корпорациям (которые в странах Запада исторически конкурировали с государством за контроль над общественной самоорганизацией). **Виктор Вахштайн** в своей статье указывает на важность языка, средств общения в возникновении таких связей, на сам процесс изобретения языка как общей среды жизни таких сообществ. Я со своей стороны, полагаю, что первичен тут опыт солидарности, а он вполне себе бессловесен, буквально *телесен* (это опыт любви, доверия, близости¹⁶). Солидарность начинается с аффективного опыта «мы вместе», а он может быть получен в самых разных социальных ситуациях¹⁷ и уже из них — перенесён в те активистские сообщества, о которых я пишу.

Тогда развитие сообщительности — это процесс *самообучения*. Обучения совместному бытию — общению — действию¹⁸. Но зачем наперёд искать универсальный метод самоорганизации или основание для неё? Мы в начале нового периода. Посмотрим.

Массовизация такого опыта и изобретение новых устойчивых форм общественной самоорганизации *превращает государство в то, чем оно кажется и должно бы являться* (если это современное «цивилизированное государство»): *в одну из сил, действующую на территории*. Не единственную, а где-то, возможно, и далеко не самую сильную¹⁹.

Такое наращивание плотности общественных связей, базирующихся на опыте взаимного действия, кстати, даёт надежду на то, что после конца «этой страны» от неё нечто останется. Тогда государство просто «окончательно уйдёт». *А общество останется* (хотя есть и те, кто заинтересован в обратном). И такую перспективу общественной жизни действительно интересно продумать и ориентировать свои действия именно в эту сторону. А начальство — ну, и Бог с ним!

¹³ См. Рансёр Ж. На краю политического / Пер. Б. Скуратова. — М.: Праксис, 2006.

¹⁴ Может быть, и не стоит пока стремиться классифицировать эти позиции (постепенно их станет больше, и можно будет искать адекватные классификации). Важно — как минимум заинтересованно наблюдать этот процесс, форма и мера участия в нём — тема для исключительно личного самоопределения.

¹⁵ Я бы хотел тут извиниться перед своими друзьями — левыми активистами, что в таком кратком, тезисном тексте я не могу проанализировать подробнее ситуацию «чрезвычайного положения», в которой фактически живёт большая часть населения России. Фактически, власть как бы говорит: «Сидите в тени, пока мы вас оттуда на расправу не выгоним», и это не секрет. Владимир Библихин называл это положение «крепостным правом». Но это не меняет основной логики моего рассуждения.

¹⁶ Но это и «специфически мужской» опыт — типа «вместе на баррикадах».

¹⁷ Зайцева И. «Быть «как дома» в местах для широкого круга «своих» // 60 параллель. — 2011. — №1 (40). — С. 42-53.

¹⁸ Недаром в истории общественных преобразований такую важную роль играют совершенно неполитические места, где возможны встречи и искренние разговоры: курилки, «кухни», затем уже и клубы, семинары... См. Фирсов Б. М. Разномыслие в России. 1940-1960-е годы. — СПб.: ЕГУ, 2008.

¹⁹ Во многих случаях *de facto* так и есть, но общественный интерес в том, чтобы «самыми мощными силами» не становились преступные организации. Это — «тёмная сторона» общественной самоорганизации.